

A photograph of a historic, hillside town, likely in Italy, featuring a prominent church tower. The buildings are made of light-colored stone and are built on a steep slope. The sky is overcast with grey clouds. The text is overlaid on the image in a white, elegant script font.

Александр Плаксин
Сын
своего отца

Александр Плаксин

Сын своего отца. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510179

ISBN 9785449017468

Аннотация

«Хотел бы я иметь такого духа, который летит высоко-высоко и видит все. И может подсказать наверняка, какой дорогой мне идти туда, где ждёт что-то, пока ещё невидимое и неизвестное, но очень желанное и хорошее». Это простые и наивные мысли главного героя повести «Сын своего отца», который жил тысячи лет назад. И спустя века мы, вооруженные достижениями цивилизации, все еще мечтаем о том же самом.

Содержание

Глава 1. Рождение города	5
Глава 2. Три дня до казни. Базарная Площадь	9
Глава 3. Три дня до казни. Дом Кифы	16
Глава 4. Два дня до казни. Лавка точильщика	22
Глава 5. Два дня до казни. Утренний рынок	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сын своего отца

Повесть

Александр Плаксин

© Александр Плаксин, 2017

ISBN 978-5-4490-1746-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Рождение города

Появление города и вправду похоже на рождение живого организма. Однажды перекрещиваются чьи-то пути, ведущие в разные стороны и при благоприятном стечении обстоятельств на этом месте появляется первый признак того, что здесь будет жизнь: лачуга, шалаш, или даже просто одинокий возок с тыквами с восточного поля, который крестьянин выставил для прохожих. Затем над возом закрепляют навес от дождя, а рядом появляется скамейка и вода для путников, сено для лошадей или верблюдов и короб для обменных вещей.

Вот и второй возок с навесом, только в нем не тыквы, а верёвки, которые вяжут на другом берегу реки. Чем ходить за верёвкой весь день до темноты, лучше уж пройтись полдня до перекрёстка, тем более что там и тыквы набрать можно. А к закату солнца уже домой вернёшься с пользой: и с тыквой, и с верёвкой.

Третий, четвёртый воз появляются рядом с первыми, и вот уже пора ставить ночлег и ясли. Пора и колодец копать, чтобы была чистая питьевая вода, потому что вода в глубокой, выложенной камнем яме совсем не пригодна для питья. Она разве что сгодится для мытья рук или овощей.

Где добро – там и лихие люди, на чужое падкие. От таких закрывай воз с добром на ночь. Поутру пришёл хозяин свой

возок-лавку открыть и подмести вокруг песок и пыль, нанесённые за ночь ветром – и уже готов ждать купцов и подсказывать им, какая тыква сочнее, какая веревка покрепче.

Теперь со всех сторон люди сами сходятся на торговом перекрёстке и несут друг другу свои новости. Люди начинают узнавать друг друга, привыкают, а потом знакомятся. Раньше здесь едва ли могли встретиться путники, а при встрече прятались бы друг от друга и выжидали, пока другой пройдёт первым. А теперь перекрёсток становится желанным и приметным местом встречи для десятков людей.

Лавки-возки выстраиваются в торговые ряды. Позади рядов ставят простые жилища: стены, потолок и дверь. Чтобы самим поесть и переночевать, а то и гостей накормить и на ночлег пустить. Растет городок новыми дорогами, а вдоль дорог все новые дома и все новые люди. Которые уже совсем ничего не знают ни про возок с тыквами, ни про скамейку для путников. И для себя считают первым именно свой дом во всем городе. И полагают, что город был здесь всегда, и что всегда он здесь будет. Думают, что он – вечный.

Город простоит и сто лет, и пятьсот, и тысячу, и несколько тысяч лет. По-сравнению с человеческой жизнью это и правда вечность. Но мы не будем забегать так далеко в будущее. Мы посмотрим как живет этот город и на что он похож прямо сейчас, пока ещё человек не придумал не то что разноцветной светящейся уличной рекламы, но даже простой электрической лампочки. Задолго, задолго до электрической лам-

почки.

Старый город наполнен гулками и извилистыми каменными улочками, переплетающимися как нити в клубке. Дома теснятся и стоят так близко и часто, что стена одного дома служит стеной и для другого. А вдоль дорог у самой земли через сухую солому прошлогодней травы проросли скупые на краски городские растения с мелкими листьями и бледными цветами. А улицы все выются, то поднимаются вверх, то скользят вниз, прерываясь на многочисленные узкие перекрёстки, которые соединяют их между собой.

На окраине совсем бедные дома. Они прилипли друг к другу сплошной неровной желто-белесой каменной кладкой с редкими окнами. Жильё в таких домах начинается сразу за простой, ссохшейся и щелистой деревянной дверью и состоит из одной единственной комнаты, в которой нет ни прихожей, ни коридора.

В кварталах ремесленников и торговцев дома богаче и основательнее: неровности стен аккуратно замазаны песочного цвета глиной или белой известью, а у входа попадается и цветная мозаика, и каменные полуколонны, и даже крупные буквы, начертанные прямо на стене красным и чёрным цветом – слова девизов, приветствий и приглашений.

В центре города совсем нет зелени. Зелень в городе – это роскошь. Хотя у состоятельных горожан внутри просторных дворов есть и собственные сады, и фонтаны с медными демонами и мраморными девами, и целые фруктовые аллеи. В та-

ких аллеях сплетающиеся листья винограда или ветви лимонного дерева образуют плотные своды, которые даже под обжигающим солнцем дарят прохладную тень, а плоды висят низко и источают сладкий аромат.

Это благоухание доступно только жителям дома, а от посторонних оно скрыто каменными стенами. С улицы можно уловить аромат переспевшего винограда разве что в ту пору, когда он уже снят и томится, играет в подземных бочках, превращаясь в вино. Тогда его сладковатый запах из винных погребов выходит на улицу через специально для этого сделанные в камне узкие проемы, расположенные у самой земли.

Глава 2. Три дня до казни. Базарная Площадь

И богатых, и бедных заботы несут на базарную площадь. Там обмениваются новостями и мнениями. Там высказывают робкие, осторожные надежды и шлют бесконечные проклятья. Там говорят и о городе, и о целой стране, состоящей из таких же городов на перепутьях торговых караванов, и обо всем прочем.

– Сегодня Рим силён как никогда! – раздалось однажды на площади. Произнёс это бойкий человек низкого роста и шустрых повадок.

– Как никогда не был до сих пор, или как никогда уже не будет силён? – отрывнув захохотал кто-то из-под навеса винной лавки.

– Спасибо за твой острый ум, горожанин! – поблагодарил его человек, – Проводя время в радости, которую тебе дарит любимое дело и с доходом, который дают тебе покупатели, найдёшь ли хотя бы минуту, чтобы пожалеть свой город, как это делаю я?

– Наш город велик. Город вечен! – продавец вина ухнул деревянным ковшом по столу, – И мне, уважаемый, как и тебе не пристало жалеть его. Город сам о себе побеспокоится.

Люди стали останавливаться и прислушиваться к разгово-

ру громких спорщиков.

– Так ты думаешь? – возразил человек, обводя взглядом людей вокруг. – Или так думают все жители нашего города? Но если не мы, жители, то кто же будет беспокоиться о завтрашнем дне города? Может быть, Нахор? Что скажешь, Нахор?

Он легонько толкнул в плечо бродягу, по виду – просто-го бездомного, который спал у самой стены на тёплых каменных ступенях. Спал он крепко и никак не отреагировал на прикосновение. Люди заулыбались, видя тщетные попытки разбудить безучастного Нахора. Но это нисколько не смущило человека, который назвал Рим сильным. Он как ни в чем не бывало продолжил:

– Нахор наш друг. Нахор спит. Но не потому что пьян. А потому что истощил свои силы, болея за будущее города. Он отдохнёт, наберется сил и завтра встанет рядом с нами. Плечом к плечу.

– Он встанет поутру рядом с тобой, только если вспомнит тебя с похмелья, – не унимался шутник-лавочник, – Но в чем ты совершенно прав, так это в том, что утром Нахору очень понадобится чьё-то плечо. Без чужого плеча стоять он сможет разве что держась за эту самую стену рукой.

На базаре поднялся хохот. Люди стали собираться вокруг и следили за дискуссией. Лавочник и вправду был остер на язык и спорить с ним было трудно. Но человек не унимался:

– Ты простодушно судишь лишь только по тому, что видишь, весельчак! А, между тем, такие как Нахор вынуждены оспаривать своё право жить в этом вечном городе! – сообщил он громко и пафосно. А когда убедился что завладел вниманием толпы, то вполголоса продолжил, – А не по римским законам, которые принесли нам с собой эти щеголи. Подати все растут и растут, налоги все выше. Разве не так?

На это лавочнику было нечего возразить и человек продолжил:

– Для тебя, лавочник, для меня и для добрых горожан это вечный город. А для префекта это земля вассалов, чья участь состоит в том, чтобы платить налоги. Для римлян это большая дойная корова!

– А ты ведёшь смелые речи, незнакомец! – громко оценил его слова продавец вина. – Эй, Фома, – крикнул он сыну, – Принеси вина, я угощу этого человека. Должно быть, нелегко с такими мыслями в трезвой голове патриоту нашего города. Да неси не какой-нибудь там кислый оксос, а поищи шекар! А ты, смельчак, не боишься ли ты, что здесь может оказаться тот, кто наушничает префекту?

– Я смел, потому что так научил меня мой мудрый друг и соратник. Он сказал: если бы мы собирали налоги в городскую казну, а не отправляли в Рим, то смогли бы и сами содержать воинов, которые защитят город от кочевых разбойников. Разве эта простая мысль не мудра? – Человек обращался уже не к лавочнику, а к окружающим, а те внимали

ему и охотно кивали головами. – И уж точно мы не стали бы возводить в честь жителей иных земель колонны с каменными конями, а скорее увеличили бы поголовье собственных лошадей, коров и верблюдов! Разве не исполнены патриотизмом и мыслями о будущем нашего вечного города эти слова? А ведь этот человек сейчас ждёт казни за свои старания. Тот, кого я мог бы спасти, если бы мне помогли горожане, за которых он так радуется.

– Кто же он? О ком ты так тревожишься? – раздалось из толпы.

– Он – Бар-Абба! Он первый друг каждому из вас. И страдает он сейчас за то, что каждому из вас желал добра.

Взволнованный гул недовольных голосов был ему ответом из толпы, но их перекрыл голос лавочника.

– Не тот ли это сын Абба, которого называют злодеем? Кто ждёт казни вместе со своими дружками, такими же негодьями, как он сам? – язвительно поинтересовался лавочник, но не нашёл поддержки в толпе: многие теперь были на стороне его патриотически настроенного оппонента.

– А ты легко развешиваешь ярлыки, приятель! – Остановил лавочника незнакомец. – Ты высмеял спящего Нахора, который ничего дурного тебе не сделал, а теперь с такой же легкостью прилюдно чернишь имя друга моего, с которым даже не знаком?

– Я – винодел, сын Толомея-кровельщика. – Ответил лавочник под осуждающими взглядами собравшихся. – Я езжу

со своим вином по всей округе. И у меня есть уши чтобы слышать то, что говорят люди. И слышу многое!

– Уши? Вот чем ты гордишься? – Переспросил его смельчак с улыбкой и люди вокруг захихикали, а сам лавочник надулся. – Что ж, уши – это прекрасно! Мы все это знаем, – он протянул ладони к окружающим. – Потому что уши есть у каждого, да! Но, к сожалению, присутствие ушей не всякий раз свидетельствует о присутствии ума.

– Не хочешь ли ты сказать что я безумен? – завёлся винодел, – Или что безумны те, кто вынес приговор и называет вора – вором?

– О, не-ет, уважаемый винодел, сын Толомея-кровельщика! – протянул в ответ человек, – Разве справедливо в споре обвинять в безумии того, кто сам винит других? К тому же, для нашего разговора это будет бесполезно, так как безумие не является грехом. Как, впрочем, и наличие ума.

– Так что же сын Абба? Он по-твоему обвинён несправедливо?

– Несправедливость – длинное слово, винодел, сын Толомея! И мы с тобою лишь нагоним скуку на этих почтенных граждан, если будем рассуждать об этом. Давай поговорим о том, что понятно всем. О хитрости. О жадности. О страсти. Об этом можно говорить бесконечно, не так ли? А уж куда интереснее, если такие истории происходят не с твоим соседом-бедняком, а со знатной или даже коронованной особой. Самые любимые наши легенды сложены о прелюбодеяниях

венценосцев. Каких тебе ещё угодно доказательств их нечистоплотности?

– Но сын Абба был обвинён...

– В чем же? Лишь в том, что Рим считает его злодеем? Рим называет его убийцей? Я не видел этого убийства. А ты, винодел, сын Толомея? Ты видел, как Бар-Абба кого-то лишил жизни? А ты, Нахор? А вы, почтенные граждане?

Но Нахор спал, а почтенные граждане расценивали горячий спор как бесплатный спектакль и не собирались принимать в нем участие. Человечек же принял это молчание по-своему и сокрушенно произнёс, будто в назидание несмышленным детям:

– Вам говорят, что Бар-Абба убил, но не говорят, кого. Вам говорят, что он злодей, но в чем его злодейство? Не говорят. Ведь не говорят?

– Так кто же он, твой невинно осуждённый друг? Расскажи про него! – Винодел даже вышел из-за прилавка ближе к собеседнику, ожидая ответа на свой вопрос.

– Он хочет счастья всем. Он считает, что счастье – это довольство во всем. – Охотно ответил человечек, – Но такое счастье не готовы разделить с нами римские начальники. И так он стал им неугодным и опасным бунтарем. И он взят под стражу. И от того, что римский префект не скажет «этот неугоден, ибо хочет себе и другим счастья», он назван и злодеем, и убийцей! Вот кто таков мой друг и сын Абба, уважаемый винодел! Вот кто он таков, почтенные горожане!

– Какая ложь! Ты хитрые сплетаешь
Объяснения тому, что хочешь
Скрыть от остальных.
Ведь если ты и в правду друг злодею,
То знаешь подлинно историю его.
Его злодейство названо: убийство!

Ты хочешь получить от нас ответ,
Кого убил твой трепетный страдалец?
Который, по твоим словам, невинно
Был осуждён за то, что неугоден?
Он брата моего отца зарезал – вот что!

Он сделал это злобно, не жалея,
Не сомневаясь, не дрожа рукой.
Свидетельствую: кровь моей родни
Пролил твой друг, преступник, сын Абба!
Свидетельствую: Бар-Абба виновен!

И вся моя семья, и брат, мы все
Придём на место казни. Вместе будем
Мы слать свои проклятия убийце.
И горькой радостью своё наполним сердце,
Что дядя мой отмщен. Хотя отмщение
Не сможет к жизни вернуть его.

Глава 3. Три дня до казни. Дом Кифы

– Так ты и сказал ему, Регем? Вот это да! Я восхищён тобою, брат!..

– Прости, но – нет. – Регем виновато потупил взгляд, не смея посмотреть брату в глаза. – Я так подумал, но малодушно промолчал. Куда мне тягаться с таким хитрым спорщиком в ораторском искусстве. Мой дрожащий голос лишь рассмешил бы толпу и этих двух, и я был бы осмеян. «Смотрите, при усах и бороде, он не говорит как мужчина, а блеет как осел».

– Эх, Регем... Ты испугался смеха? И поэтому предал память моего отца, твоего дяди? Может быть ты и был бы осмеян. Но ты жив. А мой отец в могиле. И по-твоему справедливо, что его убийцу вот так бесстыдно выгораживают?

Его брат – свидетель спора на базаре – насуплено молчал.

– Я не виню тебя, – продолжил Кифа, отца которого и вправду злодейски зарезал Бар-Абба, – Нет, я не виню тебя. Ты и в наших детских играх был слабым, и подростком не лез на рожон. Природа позаботилась о том, чтобы с годами ты стал выше ростом, окреп и отпустил усы и бороду. Но о мужских усах и бороде ты печешься сильнее, чем о мужской чести. Ну что же – ты не осмеян, так оболган. Вижу, что тебе

и без моих слов гадко от этого. Что же было дальше?

– Дальше произошло то, что заставило меня поспешить к тебе с признанием в малодушии. – Отозвался брат. – Этот самый лавочник, острослов и шутник, который из-под навеса расспрашивал клеветника и делал это так громко, что не осталось никого на всём базаре, кто не слышал бы их разговора, снова обратился к сыну своему Фоме и велел угостить каждого молодым вином. И просил всех выпить за помилование Бар-Абба. Потом он запел «Тучны твои стада» и хор голосов на площади вторил ему. Затем во всеуслышанье он сообщил, что угостит любого, кто в день помилования Бар-Абба заглянет в его лавку. А затем он оставил сына рядом с кувшинами, сам же вместе с клеветником зашёл внутрь, продолжая громко расспрашивать о судьбе злодея Бар-Абба и о том, как много тот желал простому народу добра. Я решился было: выпил меду и поспешил за ними вслед, думая, что внутри, без посторонних, я смогу уличить его в клевете. Что же я услышал? Оба спорщика здесь вели себя как добрые приятели! Я слышал, что они так говорили: «Будь осторожнее впредь, не перестарайся со своим напускным удивлением! Ты слишком громко рассуждаешь о деле и это звучит подозрительно!» А второй отвечал: «Зато о деле услышал каждый! Это же сброд и ему нужно громко втолковывать, что вино польётся рекой, если только люди окажутся на площади и в своё время потребуют милости для Бар-Абба. Да ты и сам хорош, устроил целый спектакль. И кто такой

этот Нахор?» А первый: «Да я его впервые видел! Но спит он крепко. Вот таких добрых сынов взрастил наш город». А лавочник ему в ответ: «Такой не вспомнит и своего имени. Ночью его выкинут на улицу, а там подберут римские солдаты и под утро всыпят плетей. Да так, что он снова забудет своё имя. То пьяный, то больной – у иного и одного занятия нет, а у этого целых два!» – и они засмеялись. А я, попятившись, выскользнул из лавки мимо Фомы, который продолжал угощать мёдом зрителей, и отправился к тебе домой, Кифа.

– Это ты сделал правильно, Регем. – Похвалил брата Кифа. – Так получается, что злодея Бар-Абба хотят освободить его же подельники? И для этого подпаивают горожан на базаре? Да ещё и обещают устроить праздник с угощением в день, когда того помилуют?

– Да, все так, – ответил Регем, – И знаешь, что я думаю? Это странно. Сам посуди: ну что это за поддержка от прохожих, падких на глоток бесплатного мёда? В их головах порок и блажь. К тому же, до казни осталось всего три дня. На что рассчитывают эти пройдохи? Не понимаю!

Кифа слушал брата и удивлялся. Удивлялся не тому, что говорил брат, а тому, что думал он сам. Ещё недавно и он рассуждал так же запальчиво и по-юношески категорично. «Неужели это смерть отца заставила меня стать рассудительнее в словах и осторожнее в решениях? У нас с братом совсем небольшая разница в возрасте. Но он говорит как мальчишка, а я – как старик. Кем я становлюсь, нерешительным

трусом? Или просто взрослым? И ладно бы ещё если трусом. Но не слишком ли высока оказалась цена для взросления?» – так подумал Кифа. А сказал следующее:

– Римский префект не делит подати на «налоги от пьяниц» и «налоги от праведников». Голоса их звучат для него одинаково. Что же до их порока, то подумай сам: на что готов больной чтобы получить желанное лекарство? По-одиночке они и пьяницы, и моты, и падкие до бесплатного угощения. А вместе они – только источник налогов. Одну паршивую овцу ты тоже не возьмёшь в дом: она и ест, и гадит больше, чем приносит пользы. Но откажешься ли ты от стада овец? Представь себе площадь, полную таких людей. Неужели ты не хотел бы получить их поддержку ценою всего-то в бочку кислого вина?

– Ты говоришь как твой отец, Кифа! – Удивился Регем.

– Может быть ты и прав, – помедлив, ответил Регему брат. – Но теперь, когда отца нет, кто-то должен говорить как отец.

«Я не могу рассчитывать на брата», подумалось ему, когда Регем ушёл, «Я должен все сделать сам».

Мсть за отца давно сделалась его навязчивой мыслью. Он как мог хранил ее от окружающих и старался не думать о ней сам. Он изо всех сил надеялся, что это какая-то фантазия, как в легендах о сражениях предков. Он не давал ей звучать в своих устах даже когда оставался один, даже вполголоса, даже шёпотом.

Но чем сильнее он сдерживал эту мысль, тем чаще и тем отчетливее она звучала внутри него. Кифа и сам не заметил, насколько желание мести завладело им. Ему казалось, что он старается не думать об этом желании, считая его недостойным. На деле же он давно измерял важность окружающих его событий, людей и мест именно тем, насколько они помогут ему однажды выпустить этого демона.

Усмиряемое днём, во снах желание мести полностью овладевало его разумом. Ночами ему являлись подробные, до тошноты правдоподобные сновидения, и в этих сновидениях он оттачивал планы мщения до мелочей, и выполнял их именно так, как и было задумано. А просыпался Кифа готовым без промедления повторить то, что много раз планировал во снах, во многих местах, бесчисленными способами и, неизменно, успешно.

До поры до времени это было его собственной отвратительной фантазией, его диким зверем, запертым в клетке его воли и питающимся его сомнениями и переживаниями.

Его тетка произнесла слова о мести однажды. Тогда-то Кифа вдруг и увидел этого зверя: в неосвещенном углу комнаты подобно мохнатому псу, что стерегут овец, лежало бесформенное чудище с горящими глазками и длинными кривыми зубками в открытой пасти. Его продёрнуло от отвращения и зверь пропал, а вместо него остались только старые мешки для батата, что лежали в углу. Тогда Кифа ещё не понял, что это его собственный зверь, с которым ему предстоит

провести много времени один на один.

Глава 4. Два дня до казни.

Лавка точильщика

Утром следующего дня Кифа вошёл в лавку точильщика.

– Здравствуй, Кифа! – Ответил точильщик на его приветствие. – Я очень сожалею о твоём горе. Твой отец был хорошим человеком. Я надеюсь, что его убийца будет наказан.

– Спасибо тебе, – поблагодарил Кифа и поинтересовался, – я хотел спросить, какова цена заточки ножей? Я думаю принести их все: и ножи для ремней, и столярные ножи моего отца, которые остались мне в наследство.

– Смело приноси свои ножи, – ответил точильщик, – в память о твоём отце я возьму с тебя не более половины цены.

– Ты добрый и отзывчивый человек, – снова поблагодарил его Кифа, – ты внимателен к другим, как был внимателен мой отец. Знаешь, что? Давай я куплю у тебя нож взамен тем, которые принесу тебе в дело? Найдётся ли у тебя такой всеядный нож, который одинаково хорошо разрежет и кожаный ремень, и шкуру, и ветки?

Точильщик пристально посмотрел на Кифу. Потом он произнёс:

– У меня есть много разных ножей. Нож – это помощник мужчины. Но хороший помощник для ловли рыбы не сможет так же хорошо помочь при кладке печи. У мужчины много

ножей, потому что у него много дел. И для каждого дела нужен подходящий помощник. Если резать сыр ножом для веток, то сыр будет горьким от древесного сока. Ножом для ремней скорее не разрежешь мясо, а разрубишь себе пальцы. Послушай меня, сынок: я хорошо знал твоего отца. У него было много ножей для самых разных дел. Но лучшим его помощником был его сын. Так он сам всегда говорил мне. И если ты – сын своего отца, то подумай и реши, для какого дела тебе нужен помощник? И уверен ли ты, что этот помощник – нож?

Кифа задумался. Точильщик не торопил с ответом, а занялся работой. Наконец, Кифа сказал точильщику:

– Спасибо тебе за совет. Я пойду.

– А что ты решил с ножом? Какой тебе нужен помощник? – поинтересовался тот.

– У мужчины есть такие дела, – ответил Кифа, – которые он должен делать сам.

С этими словами Кифа вышел из лавки точильщика. А тот молча смотрел ему вслед.

Глава 5. Два дня до казни.

Утренний рынок

Оказавшись на улице, Кифа увидел своего демона. Тот сидел на камнях на противоположной стороне улицы и исподлобья смотрел на Кифу. Не желая оставаться с демоном наедине, Кифа не пошёл домой, а повернул в другую сторону и тесная улочка, петляя меж седых каменных домов, вывела его к утреннему рынку.

День ещё не начался, но над рыночными рядами уже были туго растянуты плотные красные полотнища. Эти полотнища защищали товар, выложенный на прилавках, от солнечного жара. Солнце же щедро заливало площадь ярким светом и от этого и хлеба, испечённые ещё до восхода, и рыбы, выловленные час назад из речных волн, и овощи, снятые с грядок едва земли коснулась заря – все, что лежало под полотном, было красных оттенков. По той же причине красными были и одежды, и лица торговцев, на все голоса звучно распевающих «Три монеты! Три монеты! Две монеты! Всего две монеты!»

Торговцы громко зазывали к своим прилавкам покупателей; они махали толстосумам, медленно плывущим по базарной улице будто огромные киты. За толстосумами-китами неотвратно следовали рыбы поменьше: то были носильщики

с телегами, которые предстояло заполнить товаром за деньги, бряцавшие в кошельках на необъятных животах их хозяев.

За тележками стайкой неслась совсем уж рыбная мелочь — чумазая детвора, воришки и попрошайки. Одни прыгали вокруг носильщиков, отвлекая их внимание, чтобы с другой стороны их приятели успели схватить с тележки мешочек с провизией. Нерасторопные носильщики получали от хозяев тумачи и штрафы за пропажи, поэтому придумали класть поверх покупок мешочки с мелкими камешками. Тележка с камешками была значительно тяжелее, зато можно было не бояться за хозяйский товар. А если воришки совсем уж донимали носильщиков, то носильщики сами хватали из мешков пригоршни камешков и швыряли вокруг, разгоняя назойливых хулиганов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.